

G.B. Mirzoev,
Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

V.S. Osipov,
Professor of the Asset Management Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

I.M. Rassolov,
Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor

A.Zh. Sarkisyan,
Head of the Editorial and Publishing and Information and Library Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

S.G. Simagina,
Acting Head of the Department of Applied Informatics of the Volga State University of Telecommunications and Informatics, Doctor of Economics, Professor

A.B. Skakov,
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

A.E. Suglobov,
Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor

V.N. Tkachev,
Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Yu.A. Tsypkin,
Professor of the Marketing Department of the State University of Land Management, Doctor of Economics, Professor

V.B. Shabanov,
Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

N.D. Eriashvili,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the publishing house "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

Ректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции
А.А. Бессонов

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических и исторических наук, профессор
E-mail: professor60@mail.ru

Научный редактор, ответственный за издание

А.Ж. Саркисян,
руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

В подготовке номера участвовали:

Редакторы
О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова
Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
М.А. Бакаян

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-69345

Адрес редакции:
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 2/2023

Петербургский международный юридический форум: приоритеты суверенитета в зеркале юриспруденции 11

Международная научно-практическая конференция «Вопросы сотрудничества правоохранительных органов государств — участников СНГ в противодействии торговле людьми» 20

А.В. ФЕДОРОВ. Законодательство Турецкой Республики об уголовной ответственности юридических лиц 25

А.А. БЕССОНОВ. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок 39

Юридические науки

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Г.Н. ГЛУЗДАК, Л.С. БУЛГАКОВА. Понятие публичных призывов как признака объективной стороны противоправного деяния 44

Н.В. КОНДРАТКОВА. Проблемы применения норм об ответственности за тайное хищение чужого имущества 50

Ю.Ю. ОРЛОВ. Анализ антикоррупционного законодательства в США и Англии 58

К.Н. РАДЧЕНКО. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки психического насилия 68

Уголовный процесс

А.А. ИЛЬЮХОВ. Расширение полномочий адвоката посредством введения института следственного судьи в рамках параллельного расследования при производстве по уголовным делам: вопросы теории и практики 77

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50—57.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023, no. 2, pp. 50—57.

УДК 343.711
doi: 10.54217/2588-0136.2023.36.2.006

NIION: 2015-0065-02/23-118
MOSURED: 77/27-010-2023-02-317

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы применения норм об ответственности за тайное хищение чужого имущества

Надежда Викторовна Кондраткова^{1, 2}

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, Kondratkova_N@mail.ru

²Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Аннотация. Уголовная ответственность за кражу имеет более чем тысячелетнюю историю, однако, невзирая на длительность формирования положений, устанавливающих ответственность за тайное хищение, правоприменитель продолжает сталкиваться с многочисленными трудностями.

Отчасти это связано с неопределенностью, сложностью юридических конструкций, отчасти с различным толкованием норм права. Так, несмотря на терминологическую определенность, наличие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, органы следствия и суда по-разному трактуют момент окончания тайного хищения, противоположную оценку получают действия лиц, совершивших преступление с использованием не достигших возраста уголовной ответственности поделников. Еще одна причина не утихающих в научной среде дискуссий — отсутствие четких критериев разграничения кражи, административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов.

На примерах следственно-судебной практики автор рассматривает указанные проблемы, посредством проработки положений действующего уголовного и гражданского законодательства, научных работ по заявленной теме предлагает варианты их разрешения. Не разделяя позицию сторонников регулярного пересмотра уголовного закона либо его частичной декриминализации, автор обосновывает необходимость обращения к разъяснениям высшей судебной инстанции, данным по итогам кропотливой работы и адекватной реакции на изменяющиеся общественные отношения и судебную практику.

Ключевые слова: находка, кража, субъект, момент окончания преступления, проблемы квалификации.

Для цитирования: Кондраткова Н.В. Проблемы применения норм об ответственности за тайное хищение чужого имущества // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50—57. doi: 10.54217/2588-0136.2023.36.2.006.

Problems of application of the norms on responsibility for the secret theft of someone else's property

Nadezhda V. Kondratkova^{1, 2}

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, Kondratkova_N@mail.ru

²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. Criminal liability for theft has more than a thousand-year history; however, despite the duration of the formation of provisions establishing responsibility for secret theft, the law enforcement officer continues to face numerous difficulties.

This is partly due to the uncertainty and complexity of legal structures, partly due to the different interpretation of the rules of law. So, despite the terminological certainty, the presence of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the investigative and judicial authorities interpret the moment of the end of the secret theft differently, the opposite assessment is given to the actions of persons who committed a crime using accomplices who have not reached the age of criminal responsibility. Another reason for the ongoing discussions in the scientific community is the lack of clear criteria for distinguishing theft, administrative offenses and civil law torts.

Using the examples of investigative and judicial practice, the author examines these problems, through the elaboration of the provisions of the current criminal and civil legislation, scientific papers on the stated topic, offers options for their resolution. Without sharing the position of supporters of the regular revision of the criminal law or its partial

© Кондраткова Н.В., 2023

decriminalization, the author justifies the need to appeal to the explanations of the highest court, given by the results of painstaking work and an adequate response to changing public relations and judicial practice.

Keywords: discovery, theft, subject, the moment of the crime, qualification problems.

For citation: Kondratkova, N.V. (2023) Problems of application of the norms on responsibility for the secret theft of someone else's property. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 50—57. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2023.36.2.006.

Право собственности является одним из фундаментальных прав человека, получившим нормативное закрепление еще в Древней Руси. Достаточно проработанные и отвечающие потребностям времени положения о преступлениях против собственности содержались в сборниках правовых норм, датированных XI—XII вв. Как и в наши дни, законодатель дифференцировал ответственность за посягательства на чужое имущество исходя из способа, места и времени их совершения, стоимости похищенного. На современном этапе в результате развития производительных сил и трансформации экономики право собственности претерпело ряд изменений, появились новые формы реализации данного института¹, подверглись усовершенствованию и способы совершения преступных посягательств на чужое имущество. Однако, несмотря на усложнение общественных отношений, прочное вхождение в жизнь современного человека научно-технического прогресса, неизменным остается одно — кража занимает лидирующие позиции в структуре имущественной преступности. В 2019 году среди всех преступлений доля краж составляла 38,2 % (для сравнения: мошенничество — 12,7 %, грабеж и разбой — 2,6 %), в 2020 году — 36,7 % (мошенничество — 16,4 %, грабеж и разбой — 2,1 %), в 2021 году — 36,6 % (соответственно 16,9 % и 1,8 %).

Обращение к действующему законодательству позволяет утверждать, что ответственность за тайное хищение установлена исходя из конституционно значимых ценностей, с соблюдением баланса прав и интересов участников уголовно-правовых правоотношений, с учетом социальных реалий. Но все же данные нормы довольно часто выступают предметом критики, высказываются предложения не только об их пересмотре, но и частичной декриминализации. Несоответствие закона современным условиям, влекущее ослабление защиты прав и свобод че-

ловека и гражданина или, напротив, избыточную репрессию со стороны государства, бесспорно, требует его корректировки. Но реформированию должна предшествовать серьезная аналитическая работа, поскольку количественные критерии зачастую идут вразрез с качеством². Более того, для преодоления неопределенности в понимании отдельных положений закона бывает достаточно обращения к официальному толкованию.

Стоит отметить, что в юридическом сообществе по вопросу отнесения актов судебного толкования к источникам права не существует единства мнений — одни считают, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) имеют общеобязательную силу, другие отводят им рекомендательное значение. Есть и точка зрения, согласно которой хотя толкование уголовного закона ВС РФ юридически не обязательно, но фактически оно таково³. Не включаясь в данную дискуссию, отметим, что разъяснения ВС РФ по вопросам судебной практики имеют важнейшее значение, поскольку базируются на выработанных многолетней судебной практикой подходах к разрешению конкретных вопросов, на профессиональном опыте и глубоких знаниях судей. При этом акты судебного толкования не заменяют закон, не дополняют и не изменяют его, то есть не являются самостоятельными источниками права. Интерпретационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) также оценивается по-разному, вместе с тем нельзя отрицать, что при рассмотрении дела, обеспечивая верховенство и прямое действие Конституции, он сопоставляет с ней проверяемый акт, определяя, каково его конститу-

² Габеев С.В., Чернов А.В. 20 лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации: основные итоги законотворческого процесса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 4 (79). С. 18.

³ Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 19—24.

¹ Орлов М.В. Формы реализации института прав собственности в современной мировой экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1 (35). С. 137—139.

ционно-правовое качество⁴. Исходя из того, что указанные правовые позиции способствуют правильному толкованию и единообразному применению закона, помогают избежать судебных ошибок, они должны учитываться в правоприменительной деятельности.

Например, в практике долгое время не существовало единого подхода к оценке действий лица, завладевшего потерянной вещью. Так, в апелляционной жалобе осужденный Б. выразил свое несогласие с приговором, аргументируя это тем, что он нашел кошелек А. в магазине у кассы, а присвоение найденного влечет ответственность по ст. 227 ГК РФ. Не соглашаясь с указанными доводами, суд отметил, что кошелек был забыт в месте и при обстоятельствах (в магазине на кассе), позволявших при обнаружении пропажи вернуться и забрать его (что и было сделано потерпевшим). Б., стоя в очереди непосредственно за А., видел, что тот, оплатив товар, отвлекся на телефонный звонок и вышел из магазина, забыв забрать кошелек. Осознание Б. принадлежности кошелька А. также подтверждается тем, что в нем находились документы потерпевшего. Тем не менее, обнаружив кошелек после ухода А., Б. его не окликнул, не сообщил кассиру или администратору о забытой вещи, а взял ее и направился домой. При изъятии кошелька сотрудниками полиции в нем не оказалось большей части денег. Данные обстоятельства подтверждают намерения Б. завладеть имуществом потерпевшего для собственного пользования⁵.

Напротив, обвиняемый в хищении оброненного в лифте неизвестным лицом телефона Ф. был оправдан. В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор отменить, так как Ф. имел реальную возможность принять меры к установлению собственника телефона либо сообщить в полицию о найденной вещи. Игнорирование требований ст. 227 ГК РФ свидетельствует о незаконных действиях Ф., что влечет наступление уголовной ответственности. Оставляя приговор без изменения, Тюменский областной суд в апелляционном постановлении от 07.11.2003 по делу № 22-3135/2013 указал,

⁴ Ряховская Т.И. Толкование как способ обеспечения прямого действия Конституции РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 8 (313). С. 119.

⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-8745/2014 от 16.07.2014 по делу № 1-216/14. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/60oPxxmiUyVw> (дата обращения: 10.04.2023).

что при краже изъятие имущества производится из владения хозяина, потерянная же вещь является выбывшей из владения, что исключает уголовную ответственность. Потерпевший сам потерял телефон, а Ф. лишь присвоил потерянную вещь, не будучи осведомлен о ее собственности. Согласно закону, утаившее находку либо не заявившее о ней лицо не несет ответственности, лишь утрачивает право на вознаграждение при ее последующем обнаружении владельцем⁶.

Подобная практика является не единичной, вместе с тем представляется ошибочной. Даже древнерусское право не предусматривало обращение находки в собственность нашедшего ее лица. По свидетельству М.Ф. Владимирского-Буданова, найденную вещь необходимо было вернуть собственнику либо передать в пользу государства. Законопослушное поведение давало право на вознаграждение, иное могло повлечь наказание⁷.

Указанный порядок воспроизводится и современным законодательством: согласно нормам ГК РФ, нашедший потерянную вещь обязан предпринять действия по установлению лица, ее утратившего, с целью возврата. При обнаружении вещи в общественном месте она может быть передана администрации, охране, работнику торгового зала, водителю автобуса, кондуктору и пр. Если обстоятельства не позволяют этого сделать, нашедший вещь должен написать заявление в полицию в целях установления законного владельца или обратиться с данным вопросом в орган местного самоуправления. Выполнение указанных требований по смыслу ст. 228, 229 ГК РФ является условием получения вознаграждения от лица, уполномоченного на получение утерянной вещи, а также перехода права собственности на данную вещь к находчику (по прошествии шести месяцев именно с момента подачи заявления в компетентные органы).

Очевидно, что невыполнение указанных активных действий само по себе не влечет наступления уголовной ответственности. К примеру, если вещь обнаружена в условиях пешего похода в отдаленную от населенных пунктов труднопроходимую горную местность, установление ее собственника маловероятно. То же касается лесной чащи, берега реки, поля, где находят-

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Проспект, 2021.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 608.

ние людей является временным, носит случайный характер, обусловлено рабочей или туристической поездкой и пр. Однако если, понимая, что вещь утрачена в месте, известном лицу, ее утратившему, и оно может вернуться за ней, нашедший не только не предпринимает мер по установлению законного владельца, но и активно скрывает найденное для тайного завладения, то он совершает кражу. Для реализации умысла на противоправное завладение чужим имуществом могут предприниматься различные меры. Так, при обнаружении утерянного телефона его отключают, выкидывают чехол, изымают сим-карту, сбрасывают настройки, поскольку известно, что установить местонахождение телефона в выключенном состоянии программными способами практически невозможно. При нахождении чужого кошелька во избежание идентификации последнего его выкидывают или оставляют в недоступном для посторонних лиц месте, а денежные средства расходуют, при этом попутно избавляясь от вложенных в кошелек документов, фотографий потерпевшего, которые могут помочь в установлении истинного владельца данного имущества. Распоряжение иными вещами путем их отчуждения на возмездной/безвозмездной основе третьим лицам, потребления с учетом функционального назначения также свидетельствует о реализации умысла на незаконное изъятие и обращение в свою пользу утерянной другим лицом вещи. При указанных обстоятельствах изначально непроступное поведение перестает быть таковым.

Схожие рассуждения содержатся в Постановлении КС РФ от 12.01.2023 № 2-П по делу о проверке конституционности ст. 227 ГК РФ, ч. 1 и п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ, ст. 75, 87 и 88 УПК РФ.

Будучи осужденной по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ за то, что, найдя в автобусе телефон, не предприняла попыток к его возврату обронившему пассажиру, не уведомила водителя, А. сообщила в правоохранительные органы, А. настаивала на незаконности вынесенного приговора. Отвергая доводы защиты о нарушении правил возврата находки, суд указал: «...при решении вопроса об отграничении кражи от присвоения находки следует исходить из понятия владения имуществом, а также из различия между потерянной и забытой вещью. Потерянной является вещь, находящаяся в неизвестном собственнику месте, забытой — в месте известном. Поскольку в последнем случае вла-

делец имеет возможность за ней вернуться, присвоение найденной вещи связано с признаком нечестности и является кражей»⁸.

Не соглашаясь с доводами суда, А. подала жалобу о признании противоречащей Конституции России ч. 1 ст. 158 УК РФ, как позволяющей привлекать к уголовной ответственности лицо, нарушившее гражданско-правовые правила обращения с находкой. КС РФ указал: по смыслу норм ГК РФ установление физического владения потерянной вещью представляет собой активную форму поведения в виде действия, которое само по себе признается правомерным. Дальнейшее поведение нашедшего вещь (заявление о находке, поиски собственника) исключает уголовную ответственность за хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния. Невыполнение указанных обязанностей хотя и свидетельствует о гражданско-правовом деликте, однако в силу обстоятельств может отражать такую меру общественной опасности содеянного, которая требует задействования механизма публично-правового принуждения. Противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом, обусловленная этим недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца, общественная опасность его присвоения как крайней формы злоупотребления своими правомочиями свидетельствуют о выходе за частноправовые пределы. Описание поведение, направленное на окончательное лишение законного владельца утерянного имущества и распоряжение им как своим собственным, по природе является кражей. Таким образом, ст. 158 УК РФ и ст. 227 ГК РФ позволяют отграничить правомерное поведение от уголовно противоправного, а преступления — от иных правонарушений и не противоречат Конституции⁹.

Представляется, что данное толкование норм о находке устраняет их неопределенность. Более того, оно должно положить конец дискуссиям по вопросу разграничения гражданско-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузырякова». URL: https://www.constituzion.ru/document/cons_doc_LAW_437511 (дата обращения: 11.04.2023).

⁹ Там же.

правовых деликтов и преступлений, пресечь дальнейшие попытки уличенных в воровстве лиц избежать уголовной ответственности за хищение, облакаемое в неправомерное, но не преступное поведение.

Не менее сложным для понимания отдельных практиков является вопрос оценки действий лица, совершившего тайное хищение посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств. При однозначности разъяснений ВС РФ о том, что такие действия подлежат квалификации как действия непосредственного исполнителя¹⁰, следственно-судебная практика формируется весьма разрозненно.

Например, находясь в квартире потерпевшего с лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности, С. вступила с последним в преступный сговор на совершение кражи кровати, рулона линолеума и ковра. Совместными усилиями они вынесли указанное имущество из квартиры, погрузили его в машину и с места преступления скрылись. Содеянное квалифицировано как тайное хищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору¹¹.

В рамках рассмотрения похожего дела судебная коллегия указала: хищение чужого имущества совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору¹². В другом случае коллегия отметила, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору независимо от того, что некоторые из участвующих не достигли возраста ответственности, так как умыслом виновного охватывалось совершение преступления в группе¹³.

Отсутствие единогласия по данному вопросу, помимо прочего, может объясняться тем, что ранее Верховный Суд РФ подходил к реше-

нию данного вопроса иначе¹⁴, вместе с тем, исходя из содержания ч. 2 ст. 35 УК РФ, для признания группового характера и предварительного сговора необходимо, чтобы все участники подлежали уголовной ответственности. Если, неважно, в силу возраста или невменяемости, они не могут осознавать характер совершаемых ими действий и их возможные последствия, то есть нет интеллектуальной составляющей, — возможность достижения сговора также отсутствует.

Именно совершение преступного деяния несколькими лицами повышает его общественную опасность, а зачастую в принципе делает реализацию преступного умысла возможной. Если говорить о хищениях, то это широко известные квартирные кражи, когда по просьбе/настоянию лица, достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, ребенок младше 14 лет забирается в квартиру через форточку (открытое окно). Собрав ценные вещи, он сбрасывает их в оконный проем или выносит через дверь, а лицо, его подговорившее, скрывается с похищенным. Использование лиц, не подлежащих ответственности, встречается при совершении и иных преступлений — против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и свободы личности, общественной безопасности и пр. По делам указанных категорий выполнение объективной стороны усилиями нескольких человек, бесспорно, ухудшает положение потерпевшего. Допустим, А. избивают несколько человек, прижимают ей лицо и шею сигаретами в целях унижения и подавления воли к сопротивлению, в последующем поочередно совершают изнасилование и насильственные действия сексуального характера. Инициатором выступила совершеннолетняя К., находившаяся в конфликтной ситуации с А., она же распределила роли участников, в том числе не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности. Если бы К. действовала в одиночку, последствия ее противоправной деятельности для потерпевшей с большой долей вероятности были бы не столь тяжкими.

Отчасти подобные рассуждения выступают причиной наличия в доктрине уголовного права большого числа спорных позиций. Одни авторы настаивают на необходимости вменения обсуждаемого признака в качестве исключения при оценке посягательств на жизнь и здоровье,

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.03.1966 № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» (утратило силу). URL: <https://base.garant.ru/5462516> (дата обращения: 11.04.2023).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Проспект, 2021.

¹² Официальный сайт Прокуратуры Красноярского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24 (дата обращения: 11.04.2023).

¹³ Официальный сайт Прокуратуры Кировской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_43 (дата обращения: 11.04.2023).

половых преступлений, другие выражают категорическое несогласие с этим. Научный интерес представляет анализ точек зрения, приведенный в работе В.И. Морозова и В.В. Галкина. Кратко их можно свести к следующим рекомендациям: такие групповые образования необходимо рассматривать «в качестве самостоятельного, специального квалифицирующего признака, а также отягчающего наказание обстоятельства», целесообразно ввести в уголовный закон понятие, охватывающее преступную деятельность двух и более лиц без признаков соучастия¹⁵. Реализация указанной инициативы, по мнению автора, будет в полной мере способствовать реализации принципа справедливости.

Не менее дискуссионным является вопрос, связанный с определением момента окончания кражи. ВС РФ связывает его с обращением чужого имущества в пользу виновного или иных лиц, получением возможности распоряжаться и пользоваться им как своим собственным. Если по независящим от виновного причинам он не получил такой возможности, содеянное образует покушение. Однако на практике часто встречаются случаи, когда действия лица, образующие покушение, квалифицируют как оконченное преступление.

Так, Г. и Д. похитили в магазине три бутылки водки и консервы. Выйдя на улицу с неплаченным товаром, они услышали крик продавца, требовавшего вернуться и рассчитаться за винно-водочную продукцию. Г. и Д. поняли, что их действия стали очевидными для работника магазина, и побежали. Однако их остановил оперуполномоченный сотрудник полиции, доставил в отделение, где они выдали похищенное, кроме одной бутылки водки, которую уже выпили. Осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹⁶. Спорной в данном деле является не только квалификация, но и определение стоимости похищенного исходя из общей стоимости продуктов, вынесенных из магазина, хотя подсудимые успели распорядиться лишь частью похищенного — бутылкой водки, которую выпили до момента задержания.

¹⁵ Морозов В.И., Галкин В.В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 66.

¹⁶ Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области от 23.06.2021 по делу № 1-93/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hq1wrsatocr4> (дата обращения: 11.04.2023).

В похожей ситуации суд усмотрел покушение. Так, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ квалифицированы действия лица, которое набрало продукты в корзину, прошло мимо кассовых узлов, с похищенным товаром вышло на улицу. Факт кражи был замечен оператором торгового зала, который проследовал за ним на улицу и потребовал вернуть товар. Виновный ответил отказом и попытался скрыться с места происшествия, но в 15 метрах от входа в магазин был настигнут оператором, который отобрал у него продуктовую корзину с похищенным. Однако виновный взял из корзины лежащие сверху две бутылки водки и с ними скрылся с места происшествия¹⁷. Выражая несогласие с данной квалификацией, Ю.А. Власов отмечает, что в приговоре достаточно точно указано место задержания, которое произошло за пределами магазина, что давало возможность реального распоряжения похищенным¹⁸.

Судебной практике известна масса случаев, когда нерадивые воры были застигнуты на месте преступления и их действия справедливо получили оценку по ч. 3 ст. 30 УК РФ. К примеру, 18 сентября 2016 года В. с помощью металлического предмета повредил взрывной замок на двери, ведущей в подсобное помещение на первом этаже подъезда, принадлежащее ТСЖ. В указанном подсобном помещении он нашел выключатели автоматические двухполюсные, лампу ртутную, упаковку с наконечниками кабельными на общую сумму 4420 рублей, однако, завладев данным имуществом, распорядиться им не смог, поскольку, будучи в состоянии алкогольного опьянения, не смог открыть дверь, уснул и был обнаружен на месте преступления сотрудниками полиции¹⁹.

Есть и примеры, когда в итоге лицо завладело вещью, но, усмотрев иную цель, суд дал весьма неожиданную квалификацию. К. пытался тайно похитить куртку из магазина, но его действия были пресечены сотрудником. Вернув куртку в подсобное помещение, он бросился бежать из магазина в принадлежащих последнему полуботинках. По мнению суда, К. не пы-

¹⁷ Постановление Шатурского городского суда Московской области от 08.02.2022 по делу № 1-21/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1GqGL2tsNKJs> (дата обращения: 11.04.2023).

¹⁸ Власов Ю.А. Момент окончания хищений // Уголовное право. 2023. № 3. С. 46—53.

¹⁹ Приговор Фрунзенского районного суда г. Саратова от 28.11.2016 по делу № 1-164/16. URL: https://fr-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12610373&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 11.04.2023).

тался удержать данное имущество, а, испытывая страх быть переданным полиции, хотел убежать. Его действия переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ²⁰.

Господствующим среди ученых и практиков является мнение, что преступление становится оконченным после выхода виновного с похищаемым имуществом за пределы помещения, в котором оно находилось. Однако нельзя не согласиться с мнением О.В. Ермаковой, что «из этого правила есть исключения, преступление должно признаваться оконченным, если имущество потреблено виновным в пределах жилища, помещения, иного хранилища (продукты съедены, напитки выпиты и т. д.)»²¹.

Рассмотрим еще один интересный пример из судебной практики. М., не имея определенного места жительства, длительное время находясь в парке при пониженных температурах, замерз. Чтобы согреться, он направился к близлежащему кафе. Зайдя в помещение и не увидев сотрудников, М. пробрался в помещение гардероба, где залез в коробку и заснул. Проснувшись глубокой ночью, М. понял, что заведение закрыто, он находится в нем один. Решив воспользоваться ситуацией, М. взял в баре несколько бутылок дорогостоящего алкоголя и распил их на месте, часть бутылок сложил в пакеты, чтобы забрать их с собой и употребить в другом месте. После этого М. попытался открыть входную дверь, но не смог, поскольку она была заперта снаружи. Не справившись с дверью, М. решил вылезти через какое-нибудь окно, но вновь потерпел неудачу — на них были решетки. Испытывая досаду, М. осушил еще несколько бутылок алкоголя, после чего заснул. Утром он был обнаружен сотрудниками кафе спящим возле двух пакетов, полностью забитых бутылками. Изначально действия М. были квалифицированы как оконченный состав, видимо потому, что, находясь на месте преступления, он успел распорядиться частью чужого имущества путем его употребления. В последующем квалификация была изменена, что представляется более верным, так как умысел М. возник на незаконное изъятие и обращение в свою пользу

²⁰ Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 24.01.2020 по делу № 1-1415/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ikY8ZSOPyfoo> (дата обращения: 11.04.2023).

²¹ Ермакова О.В. Проблемы определения момента окончания хищения, совершенного с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 155.

всего алкоголя, а не только того, что был распит им. Об этом свидетельствует тот факт, что М. разложил бутылки по пакетам и собирался покинуть помещение, дабы не быть обнаруженным. Поскольку он не смог реализовать умысел в полном объеме по непреодолимым обстоятельствам (кафе было заперто), его действия не образуют оконченного преступления.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в основе формирования судебной практики лежит личное убеждение суда, складывающееся исходя из обстоятельств каждого конкретного дела. Но, к сожалению, данный подход препятствует единообразному применению норм права и назначению всем виновным справедливого наказания. Заслуживает внимания позиция С.М. Кочои, согласно которой «как только потерпевший лишается своего имущества, ему причиняется ущерб. Данное обстоятельство должно быть решающим для признания похищения оконченным. Ждать, чтобы после изъятия виновный еще и получал возможность распоряжаться „по своему усмотрению“ этим имуществом, больше соответствует интересам виновного, чем интересам борьбы с посягательствами на собственность»²².

Резюмируя изложенное, отметим, что проблем применения норм об ответственности за тайное хищение чужого имущества довольно много, рассмотреть их в рамках одной статьи невозможно. Но большая часть из них может быть решена посредством обращения к соответствующим разъяснениям ВС РФ, что, в свою очередь, требует от высшей судебной инстанции кропотливой работы и адекватной реакции на изменяющиеся общественные отношения и судебную практику. Результаты указанной работы выступают для нижестоящих судов в качестве образцов понимания и применения закона, при сложности восприятия последнего служат ориентиром для правоохранительных органов.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
2. Власов Ю.А. Момент окончания хищений // Уголовное право. 2023. № 3. С. 46—53. doi: 10.52390/20715870_2023_3_46.
3. Габеев С.В., Чернов А.В. 20 лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации: основные итоги законотворческого процесса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 4 (79). С. 16—25.

²² Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 132—133.

4. Долотов Р.О. Момент окончания продолжаемого хищения с конкретизированным умыслом // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 336—344.

5. Ермакова О.В. Проблемы определения момента окончания хищения, совершенного с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 155—157. doi: 10.17223/15617793/393/23.

6. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя 2000, 2000. 286 с.

7. Морозов В.И., Галкин В.В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 60—73.

8. Орлов М.В. Формы реализации института прав собственности в современной мировой экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1 (35). С. 137—139.

9. Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 32 с.

10. Ряховская Т.И. Толкование как способ обеспечения прямого действия Конституции РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 8 (313). С. 119—122.

References

1. Vladimirskij-Budanov, M.F. (2005) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow, Izdatel'skij dom "Territorija budushhego", 800 p. (In Russ.).
2. Vlasov, Ju.A. (2023) *Moment okonchanija hishhenij* [The moment of completion of misappropriations]. *Ugolovnoe pravo*, no. 3, pp. 46–53. (In Russ.). doi: 10.52390/20715870_2023_3_46.
3. Gabeev, S.V. & Chernov, A.V. (2016) 20 let dejstvija Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: osnovnye itogi zakonotvorcheskogo processa [20 years operation of the Criminal Code of the Russian

Federation: the main results of the law-making process]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 4 (79), pp. 16–25. (In Russ.).

4. Dolotov, R.O. (2018) *Moment okonchanija prodolzhaemogo hishhenija s konkretizirovannym umyslom* [The end of the ongoing theft with specified intent]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 3, pp. 336–344. (In Russ.).

5. Ermakova, O.V. (2015) *Problemy opredelenija momenta okonchanija hishhenija, sovershenno s nezakonnym proniknoveniem v zhilishhe, pomeshhenie ili inoe hranilishhe* [Problems of determining the end of any property crime committed with illegal breaking into a home, premises or other storage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 393, pp. 155–157. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/393/23.

6. Kochoi, S.M. (2000) *Otvetstvennost' za korystnye prestuplenija protiv sobstvennosti* [Responsibility for mercenary crimes against property]. Moscow, Anteya 2000, 286 p. (In Russ.).

7. Morozov, V.I. & Galkin, V.V. (2018) *Kvalifikacija prestuplenij, sovershenykh s uchastiem lic, ne podlezhashih ugolovnoj otvetstvennosti* [Qualification of crimes committed with the participation of persons who are not subject to criminal liability]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika*, no. 4 (46), pp. 60–73. (In Russ.).

8. Orlov, M.V. (2011) *Formy realizacii instituta prav sobstvennosti v sovremennoj mirovoj jekonomike* [Forms of realization of institute of the property rights in modern world economy]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta*, no. 1 (35), pp. 137–139. (In Russ.).

9. Rugin, O.A. (2012) *Sudebnoe tolkovanie ugolovnogo zakona i ego rol' v zakonotvorcheskoj i pravoprimenitel'noj dejatel'nosti* [Judicial interpretation of the criminal law and its role in law-making and law enforcement activities]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 32 p. (In Russ.).

10. Rjahovskaja, T.I. (2008) *Tolkovanie kak sposob obespechenija prjamoogo dejstvija Konstitucii RF* [Interpretation as a mode of ensuring the direct functioning of the Russian Constitution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8 (313), pp. 119–122. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Кондраткова — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

N.V. Kondratkova — Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Novosibirsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminal Law and National Security of the Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.